

Секретный агент Багира

Марина Серова

Братья должны умереть

«Научная книга»

Серова М. С.

Братья должны умереть / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Глава 1

В небольшом городе Муроме жизнь текла спокойно и неторопливо. Но так казалось только на поверхностный взгляд. В деловой сфере города бурлили нешуточные страсти.

Людей, держащих в руках незримые, но прочные ниточки городской политической, экономической или иной власти, события последних дней напрямую пока не затрагивали. Касались они лишь отдельных представителей мелкого бизнеса, не имеющих влиятельной «крыши». Сейчас не то, что раньше, насильно навязывать защиту интересов, брать под свою опеку и доить по-крупному или по-мелкому, как карта ляжет, любого, ступившего на путь частного предпринимательства, никто не стремился. По крайней мере, до тех пор, пока предприниматель не пытался оттяпать кусок от чужого пирога, чтобы перейти в разряд крупных. Да и в этом случае «крышу» чаще всего начинали искать по собственной инициативе, когда потребность в сильной защите становилась первостепенной проблемой.

Да, раньше времена были совсем другими. Стоило бабке выйти на угол с мешочком жареных семечек, к ней тут же подкатывал какой-нибудь юный гоблин и недвусмысленно предлагал оплатить право заниматься на этом самом углу индивидуальной трудовой деятельностью. Платить за место и сейчас надо – не ментам, так другим, вечно голодным, а потому неуемным в своей жадности представителям законной власти. Вот только защиту теперь никто не предлагает, а если и предлагает, то обеспечивать не собирается. Так что неизвестно, выиграла бабка на новых порядках или проиграла. Менты семечки лузгают да горстями по карманам рассыпают так же, как раньше те, другие, делали. Но те, по крайней мере, вороватых пацанят шугали. Больше бабку, в общем-то, никто и не донимал. Разве что те же менты.

Но это бабка. Она, хоть и ИП, официально, правда, не зарегистрированное, но, как раньше не имела гроша ломаного за душой, так и не будет иметь. И проблемы у нее такие же жалкие, как доходы.

Другое дело – владелец кафе, магазина, пошивочной мастерской или оптовик какой-нибудь среднего размаха, не говоря уже о рыбке покрупнее. Уличная шантрапа и прочие мелкие неприятности волнуют их постольку-поскольку. У них своих проблем пруд пруди. И чем крупнее дело, тем серьезнее проблемы. Имел какой-нибудь Иванов Иван Иванович точку на местном рынке, возил понемногу товар, да все сам: сам возил, сам за прилавком стоял. Вкалывал в поте лица год, второй, а на третий, глядишь, за товаром уже экспедитора с машиной посылает и за прилавком сам не стоит. И точка у него теперь не одна, а целых три, да небольшой магазинчик в придачу. Но вот беда – как у бабки теперь нет надежной «крыши», которая заступиться могла бы, из беды вызволить, так и Иван Иванович в собственном соку варится, крутится, как белка в колесе, проблемами по самые уши загружен – с этим договорись, тому на лапу дай, здесь пешком лучше не ходи, а тут вообще появляться остерегись: не ровен час, крупные конкуренты бизнес вместе с головой оттяпают, и спросить с них некому будет.

Так, собственно, на деле и выходило. Погиб в результате дурацкого стечения обстоятельств Иван Иванович, скоропостижно скончался в расцвете сил Петр Петрович, а никто, кроме ближайших родственников и друзей, и не шелохнулся. Жены всплакнули, дети по малолетству ничего не поняли, официальные лица развели руками и констатировали смерть от несчастного случая и полное отсутствие криминала.

Но слухи все-таки ползли.

Статистика – дама упрямая, разночтений не допускает. По крайней мере, в той части, которая касается не опросов населения и подсчета голосов по поводу минимально возможного набора продуктов в потребительской корзине, а конкретных, документально подтвержденных фактов.

Одна или две «лишние» по статистике смерти от несчастных случаев погоды на фоне общего для страны бедственного положения, очевидно, не сделали бы. Но несчастных случаев, повлекших за собой жертвы среди населения, оказалось больше, чем две, причем происходили они как-то неестественно часто. Вот и получилось, что кривая смертности в городе Муроме в сводках за декабрь месяц стремительно взлетела вверх.

Возможно, на это никто, кроме специалистов, не обратил бы внимания. Если бы не вездесущие, падкие до мелких и крупных сенсаций журналисты.

Благодаря установке на «прозрачность» работы правоохранительных органов в последние годы появилось большое количество программ, призванных эту самую работу освещать. Преимущественно хвалить, чтобы у граждан сформировалось иное, для начала более терпимое, отношение к сотрудникам этих самых органов. Впрочем, о недоработках и проколах в деятельности органов правопорядка и так слишком много говорилось в блоках новостей и различных авторских аналитических программах. И чем больше одни вдохновенно рассказывали о будничной, но неизменно героической работе прокуроров, следователей, оперативников, омоновцев, тем старательнее другие выискивали и смаковали их ошибки и слабости.

Практически обо всех «подозрительных» несчастных случаях, впоследствии выделенных специалистами информационно-аналитического отдела ФСБ в отдельный, особый список, так же, как и о многих подобных им, по несколько раз на день сообщали ведущие местных «Дежурных частей», «Городских хроник» и прочих телепрограмм. Одни – голосом, умело подрагивающим от волнения за судьбы сограждан, другие – скороговоркой, лишенной эмоциональной окраски, третьи – с оптимизмом: глядите, мол, плохо-то как все, но ничего, переживем, победим, выберемся-таки в светлое будущее.

Поначалу умело и в большом количестве подаваемая с телевизионных экранов информация о происходящем в городе большинство жителей Мурома ничуть не затрагивала. Подумаешь, еще какой-то неудачник не справился с управлением автомобиля. Каждый день кто-нибудь не справляется. Но кто-то из погибших оказался чьим-то приятелем, компаньоном, просто знакомым. Слухи распространяются быстро. При этом имеют обыкновение обрастать самыми невероятными подробностями.

Вскоре количество поклонников местных программ увеличилось в несколько раз. Новости смотрели с большим интересом, чем художественные фильмы. Особой популярностью пользовалась авторская программа «Что говорят?», одно название которой уже сближало автора и ведущего передачи Андрея Москвичова с народом.

Двадцатиминутные ее выпуски выходили ежедневно в прямом эфире и в самое удобное время – в восемь часов вечера, когда одни семьи только что отужинали и теперь пили кто чай, кто иные напитки, другие еще вкушали, что бог послал. Сериалы уже кончились, а вечерние киносеансы только ждали своей очереди.

Когда передача еще находилась в состоянии проекта, Москвичову пришлось много потрудиться, чтобы пробить выход в эфир именно в это время, когда у экранов можно собрать максимальное количество зрителей. Бегал он по кабинетам, убеждал, уговаривал, давал на лапу, поил-кормил тех, кто мог нажать, где нужно, сделать важный звонок, поставить решающую подпись.

Наконец вожеленное экранное время выделили, и теперь Москвичов целыми днями, а часто и поздними вечерами – сразу после выхода очередной передачи, – снова бегал, поил-кормил, давал на лапу. Только теперь уже для того, чтобы оправдать доверие, собрать свежий материал и выдать в следующем выпуске что-нибудь особенное, желательно сенсацион-

ное, такое, что еще до окончания передачи могло бы вызвать шквал звонков от благодарных, взволнованных, кипящих от праведного негодования зрителей.

В тот триумфальный для себя и злополучный для многих вечер, готовясь к прямому эфиру, Андрей Москвичов сам дрожал от охватившего его возбуждения. То, что он откопал прошлой ночью и о чем собирался через несколько минут поведать зрителям, должно было стать поистине сенсацией. Добрая половина его передач могла бы быть названа скандальной, но эта! И хотя Андрей терпеть не мог все избитое, затасканное, в том числе потерявшие от частого и неуместного употребления изначальный глубокий смысл фразы, об этой передаче он заранее думал, используя столь любимое многими его коллегами выражение: она произведет эффект разорвавшейся бомбы.

Вот до эфира осталось несколько минут... несколько секунд... Оператор уже начал отсчет, а Андрей все никак не мог справиться с волнением. Пять секунд, четыре... – Андрей сделал глубокий вдох-выдох: – Две, одна... Время!

Он подпустил в глаза грусти, выдержал короткую паузу и слегка растянул уголки губ в своей знаменитой улыбке человека, который видел в жизни очень-очень многое, понял еще больше и потому чувствует себя отягощенным этой мудростью, смертельно уставшим и ответственным за весь остальной, пребывающий в счастливом неведении мир.

– Добрый вечер...

Голос слегка дрогнул, как у зеленого новичка, неведь как выпущенного в эфир. Андрей почувствовал досаду, подумал, что надо было старательнее вдохи-выдохи делать и не взвинчивать самого себя. Его дело вызывать трепет сопереживания у зрителей, а не самому волноваться, сообщая собранную информацию. Но в следующее мгновение Москвичов сообразил, что в меру взволнованный голос ведущего только придаст шарма сообщению, эмоционально сблизит его и тех, кто сейчас сидит перед экранами и доедает свой ужин.

Собственно, сказать, что он откопал сенсационную информацию, было бы неверно. Информация уже была. Оставалось только поднапрячь мозги, проанализировать исходные данные и разглядеть их сенсационный характер.

Нет, вообще все было не так. Ничего Андрей не анализировал и ничего не напрягал. Просто вчера лежал он на диване и пялился в телевизор – шел как раз ночной выпуск местных новостей. «Итоги дня прошедшего». Для следующей программы материал у него имелся, правда, какой-то вялый, на нечто скандальное не тянущий. Но бежать с утра пораньше по злачным местам в поисках свежих сплетен и встречаться с информаторами желания у него не было.

Поэтому, тупо глядя в телевизор, он лениво перебирал информацию, полученную от «доверенного лица» – засидевшегося в капитанах мента из райотдела. И одновременно слушал вполуха да смотрел вполглаза новости, утешая себя надеждой: вдруг да что-нибудь любопытное выскочит, выплывет, проскользнет. Что-то такое, о чем в завтрашнем вечернем прямом эфире можно было бы с умным видом трепаться двадцать минут – кого-то разоблачать, что-то клеймить, чтобы зрители слушали, не отрываясь, забыв про стынувший ужин.

Мысли крутились под стать настроению, такие же дурацкие, – что скоро новый год, что новый век на носу... Да какое там – новый век, новое тысячелетие! А он как был пять лет назад молодым перспективным тележурналистом, так до сих пор в перспективных и ходит, только вот молодым его называют уже реже.

Пробитая с огромным трудом авторская программа «Что говорят?» являлась для него последней возможностью выделиться, сдвинуться с мертвой точки, подняться хотя бы на ступенечку выше бесперспективного положения «перспективного молодого журналиста». Это Андрей знал наверняка, хотя ни с кем не делился своими безрадостными мыслями. Он не зря выбрал для обсуждения в прямом эфире не глобальные мировые или общероссийские проблемы, а здешние, местные, насущные. Те проблемы, которые любому потенциальному зрителю программы ежедневно заглядывали в окно квартиры, мозолили глаза на каждом шагу, за

которые душа болела у всех муромцев. А уж как он добивался возможности вести программу в прямом эфире, позволявшем говорить практически бесконтрольно, а потому живо, остро, задевать за живое...

Но планы планами, а действительность зачастую оказывается гораздо хуже, чем можно предположить в самую черную минуту. Если с первого же дня программа пользовалась бешеной популярностью, то теперь она постепенно загибалась, умирала естественной смертью. Пока запах тления был замечен только самому Андрею, но с каждым днем он ощущался все явственнее.

Вообще-то Муром не такой уж и маленький город. Просто – смотря с чем сравнивать. Если с Питером или тем более с Москвой – тогда конечно. А так – нормальный районный центр. Есть поменьше. Однако происходящих в древнем городе Муроме событий катастрофически не хватало для того, чтобы можно было вещать о них ежедневно в течение двадцати минут в рамках программы, призванной потрясать умы разоблачениями и сенсациями.

Сутками напролет Андрей, как савраска, гонялся за материалом для обсуждения, в «пустые» дни высасывал темы из пальца, но и этот внутренний источник уже иссох – сколько можно. От постоянной бешеной работы мысли кипели мозги, по ночам долго не шел сон, а сновидения стали тревожными, мятущимися, не приносящими отдыха. Дни проходили один за другим, интерес к программе пока не снижался, но уже находился на критической отметке, а занимательные темы для очередных выпусков подбирать становилось все труднее и труднее.

Жизнь в славном городке Муроме была чересчур однообразна. Нет, каждый день что-то происходило: скандальные свадьбы и еще более скандальные разводы, несчастные случаи, убийства... Кстати, и скандалы-то были какими-то однообразными, давно набили оскомину и не вызывали должного интереса.

А убийства?

Муж в пьяной драке убил друга жены.

Подростки баловались пистолетом, который накануне потерял, будучи в нетрезвом виде, нерадивый капитан милиции, в результате чего бродячая кошка была расстреляна в ключья, а один подросток получил тяжелое ранение. Это ж надо умудриться – пистолет потерять! Из этого сообщения, пожалуй, что-нибудь можно выжать: чудовищная небрежность сотрудников милиции при обращении с оружием, халатное отношение к подбору кадров, в результате – детская жестокость, рост преступности в среде подростков, жертвы.

Машинально Андрей перевернул листок бумаги из стопки, лежавшей перед ним. На следующей странице говорилось о трупe предпринимателя, найденном в подъезде его дома. И с экрана телевизора минуту назад об этом сообщил телеведущий. Только в милицейской сводке, копию которой листал сейчас Москвичов, данные несколько отличались от тех, что предлагались телезрителям: документ изобилдовал некоторыми специфическими подробностями, зато, естественно, был лишен эмоционального налета.

Без особой заинтересованности Андрей пробежал глазами копию сводки, привычно собирая в одно целое данные, незаконным путем попавшие в его руки, и то, что задержалось в голове из телевизионного сообщения. Личность погибшего установлена – некий Сергеев Сергей Васильевич. Тело обнаружила соседка, когда отправилась вынести мусор. Предположительно Сергеев скончался от острой сердечной недостаточности, однако на одежде предпринимателя обнаружены небольшие пятна крови пока непонятного происхождения. Ведется следствие. Сергей Васильевич, холостяк тридцати двух лет от роду, был известен в Муроме тем, что, пройдя путь от тощего, вечно голодного детдомовца до состоятельного человека, методично переводил небольшие, но регулярные суммы на счета городских детских домов.

Разочарованно вздохнув, Андрей сложил серо-коричневые, с загнутыми краями листы бумаги, бросил их на столик. Все это чертовски трогательно, но, к величайшему сожалению, для него интереса не представляет. Подростки, играющие в Рембо, – это еще куда ни шло,

такую тему, пожалуй, можно развить. А предприниматели последнее время мрут как мухи. Обычное дело: перетрутился, перепил, перепарился... – вот тебе и безвременная кончина. В самом, так сказать, расцвете сил и способностей. Сейчас этим никого не удивишь, каждый день кто-нибудь да погибает.

Андрей взял пульт, пробежался по каналам, а мысли по инерции закрутились вокруг повышенной в последнее время смертности среди предпринимателей. А ведь в самом деле, что-то их брату не везет, и именно в последнее время. Всю неделю, нет – чуть побольше, только и слышишь: этот погиб, тот разбился, еще кто-то тихо умер в собственной постели. Последний, вот бедняга, до квартиры не дошел.

Отшвырнув пульт в сторону, Андрей подскочил и забегал по комнате. Муромским предпринимателям действительно слишком уж не везло в последнее время.

Забыв про сон, тем более про недавнюю хандру, Андрей с энтузиазмом принялся за работу. К рассвету он пересмотрел все записи в рабочем блокноте, накопившиеся за предыдущие пару недель, а также небрежно сваленные в кучу мятые листки с заметками, сообщениями и набросками, потом в ускоренном режиме прогнал последние видеоматериалы и исписал несколько новых листов. Отложив наконец ручку, Андрей испустил победный вопль, призванный утешить всех недоброжелателей программы «Что говорят?», и тут же, не раздеваясь, завалился спать.

Через четыре часа он уже стоял под душем. Предстояло сделать несколько звонков и кое с кем встретиться, чтобы уточнить некоторые детали. Исписанные мелким почерком листы с перечисленными – в хронологическом порядке! – фамилиями безвременно скончавшихся за последние несколько дней предпринимателей все еще лежали на столе. Каждая из фамилий сопровождалась пометками относительно обстоятельств смерти, информацией о возрасте, происхождении, бизнесе, дружеских и родственных связях, увлечениях и прочих подробностях жизни и смерти.

В студию в этот день Андрей появился непривычно рано. В оставшееся до эфира время он хотел еще разок пересмотреть сделанные ночью записи, дополнить их информацией, полученной уже сегодня, и свести концы с концами. Чем больше Андрей закапывался в «дело предпринимателей», как он его мысленно для себя назвал, тем сильнее чувствовал прямо-таки охотничий азарт. Сомнений в том, что он нечаянно напал на золотую жилу, практически не оставалось. Потому-то и дрогнул голос, когда Москвичов произнес традиционное приветствие:

– Добрый вечер.

Но, переждав пару секунд, он продолжил, как всегда, по-деловому, хотя и с легким волнением, решив, что в данном случае оно не помешает:

– Я рад снова, как вчера, как позавчера, как надеюсь сделать это и завтра, приветствовать вас в программе «Что говорят?». К сожалению, тема, которую мне хотелось бы сегодня обсудить, никаких приятных эмоций не вызывает. Возможно, некоторые из вас обратили внимание, насколько участились за последнее время сообщения о гибели по разным причинам наших сограждан.

Андрей помолчал несколько мгновений, давая зрителям возможность переварить последнюю сказанную им фразу и хорошо усвоить смысл услышанного. Почти физически он ощущал напряженное любопытство, которое должно было охватить в этот момент аудиторию. Специально уточнять, что речь пойдет о жителях Муроме, не требовалось: передача тем и была интересна, что говорилось в ней о людях, живущих на соседней улице, в соседней квартире.

– Столь частые упоминания об уходе из жизни, чаще всего преждевременном, людей, многие из которых хорошо известны большинству из вас, нельзя объяснить тем, что сегодня, в отличие от прошлых лет, подобные факты не скрываются, а, напротив, подробно освещаются в прессе и на телевидении. Смертность среди молодых и относительно молодых людей, преимущественно мужчин, в нашем городе действительно возросла и именно в последние дни.

С чем это связано? – Андрей вопросительно поднял бровь, выдержал еще одну паузу, намеренно оттягивая «момент истины». – Несколько дней назад, обратив внимание на необычно участвовавшее количество неожиданных смертей, я начал свое, независимое, журналистское расследование. Вот что мне удалось выяснить...

На следующий день город бурлил от переполнявших людей эмоций. Телефоны в студии и квартире Андрея надрывались. Операторы не успевали принимать звонки, а сам Москвичов – поздравления от коллег, угрозы и упреки от начальства, вопросы и просьбы от телезрителей. Поздравления, правда, звучали реже всего остального.

Как бы то ни было, о выборе тем для обсуждения в ближайших программах можно было не беспокоиться.

Ушедший с головой в более детальное изучение «дела предпринимателей», Москвичов не мог не обратить внимания на то обстоятельство, что в следующие после выхода триумфальной передачи три дня ни одной подозрительной кончины жителей Муром не случилось. То есть, конечно, кое-кто все же отправился к праотцам, но совсем не подозрительно, поэтому был им легко сброшен со счетов.

Было данное обстоятельство случайным совпадением или нет – говорить пока рано. Во всяком случае, по прошествии трех «неурожайных» для искателя сенсаций дней в мир иной загадочным образом перешел еще один уважаемый многими житель Мурома. Но это произошло позже и самого Москвичова, как ни странно, ничуть не затронуло.

* * *

Вскоре после того, как число жертв среди мелких предпринимателей начало расти с катастрофической для столь небольшого, как Муром, города быстротой, зашевелились и лидеры организованных преступных группировок. Первым из авторитетов о том, что в городе стало нехорошо пахнуть, заговорил Лось. Как ни крути, а несчастные случаи происходили преимущественно на «его» территории. Тут хочешь не хочешь, а какие-то телодвижения делать приходится, тем более что пока реденькой цепочкой, но уже потянулись «ходоки» из особо пугливого народа – просить совета и защиты, пока еще неизвестно от чего. А потом «гонцы» появились: представители одних группировок намекали другим, что надо бы утрясти все проблемы по-хорошему: мол, конкуренция конкуренцией, но вопросы можно решить мирным, так сказать, путем, или, по крайней мере, попытаться это сделать. Хозяева с общей постановкой вопроса соглашались, но затем недоуменно пожимали плечами и в свою очередь выдвигали предположения и, более того, ничем не обоснованные, а потому очень осторожные обвинения.

Некоторые торговцы на всякий случай сводили свою деятельность до предельного минимума, надеясь в сторонке переждать беспокойные времена. Особо опасливые и вовсе замораживали дела, перебирались на неопределенный срок кто в Нижний, кто в Москву, а иные вдруг вспоминали, что самое время поправить здоровье, набраться сил перед грядущими морозами и в спешном порядке отправлялись на престижные отечественные или известные заграничные курорты.

Фактических причин для беспокойства было немного, но как раз не факты являлись основной предпосылкой нарастающей паники. Слухи, один страшнее и нелепее другого, будоражили город, докатывались даже до мирных, далеких от легального, а тем более от теневого бизнеса обывателей, приобретали еще более нелепые формы и возвращались обратно, дополненные леденящими кровь подробностями и высказанными шепотом предположениями.

Слухи и домыслы – вот чем питалась общественность. Истину знали лишь немногие, но они предпочитали помалкивать, наученные горьким опытом собратьев, которые уже никогда и никому ничего не скажут. А таковых набиралось уже несколько человек – деловой люд Мурома подвергся странной эпидемии. Каких-то определенных, общих для всех признаков

заражения недугом выявить до сих пор не удалось. У кого-то неожиданно забарахлила машина, только что прошедшая профилактику, причем поломка проявилась на большой скорости на обледеневшей дороге. Другой скушал что-то, на поверку оказавшееся несъедобным, предположительно маринованных грибочков, но точно установить, к сожалению, не удалось. Третий, к недоумению и огорчению друзей и знакомых, впал в быстро развивавшуюся депрессию и сам решил свести счеты с жизнью. На четвертого напало какое-то хулиганье с целью ограбления. Правда, вот странность: отняв все, что только можно было отнять, хулиганье нанесло жертве несколько беспорядочных ножевых ранений, а затем очень даже профессионально свернуло бедняге шею. Хотя, возможно, наоборот – сначала жертве сломали шейные позвонки, а уже потом, для отвода глаз, потыкали ножом. Впрочем, эта жертва как раз явилась не четвертой, а первой по счету...

Но один общий признак у заразившихся «смертельным вирусом», как тут же обозначили ситуацию в Муроме, проявлялся всегда: сама «болезнь» протекала быстро и почти незаметно, но каждого, кто подхватывал этот вирус, неизменно ожидал летальный исход.

А перспективный молодой тележурналист Андрей Москвичов, вкусив сладкий плод поистине колоссального успеха, уже по привычке к своему новому положению, успел немного остыть от гонки к вершинам славы и теперь с замиранием сердца и периодически накачивающим ужасом ожидал дальнейшего развития событий. По неумолимым законам логики пришел момент, когда стоило либо остановиться, либо прекращать быть сторонним, хотя и очень внимательным, наблюдателем и брать инициативу в свои руки. Накопившейся информации оказывалось уже достаточно для того, чтобы с относительной точностью просчитать, кто окажется в «деле предпринимателей» следующей жертвой. И в этом, втором варианте, следуя той же логике, его самого можно было смело вносить в черный список, хотя к бизнесу он имел весьма сомнительное отношение. Разве что выступая в качестве потребителя.

Несколько дней назад, практически в то же время, когда воодушевленный внезапным открытием Андрей Москвичов лихорадочно просматривал имевшиеся в квартире материалы, перетасовывал информацию и быстро фиксировал на бумаге результаты своего труда над «делом предпринимателей», сотрудники информационно-аналитического отдела УФСБ РФ, вооружившись официально полученными данными, оперативной информацией и помощью коллег, также не спали. Срочно составлялась аналитическая записка, содержание которой, если не принимать во внимание специфический для подобных документов язык и форму, почти полностью, за исключением некоторых моментов, соответствовало рабочим записям перспективного тележурналиста.

Прилагавшийся к аналитической записке список также был составлен в хронологической – в соответствии с датами смерти – последовательности и повторял список, составленный Москвичовым. Разве что был более точным в деталях.

Глава 2

Заваривание чая – процедура, требующая сосредоточенности, неторопливости и душевного равновесия. Это своего рода священнодействие, и относиться к нему следует подобающе, иначе напиток будет неминуемо испорчен.

Именно поэтому, когда дверь в приемную с грохотом распахнулась, я только на мгновение оторвалась от своего занятия, и то лишь для того, чтобы смерить строгим взглядом вошедшего, точнее сказать – поспешно влетевшего, в кабинет мужчину.

– Ямской у себя?

Я накрыла заварной чайник салфеткой, поправила вечно сваливающиеся с носа очки. Какая жалость, что нос у меня без эдакой изящной горбинки, которая удерживала бы их на положенном месте.

– Во-первых, Игорь Николаевич, здравствуйте.

– Доброе утро, Оленька. – Игорь Николаевич, и так раскрасневшийся от быстрого подъема по лестнице и переполнявшего его нетерпения, зарумянился еще больше. – Ямской здесь?

Хорошо хоть не предпринимает попыток напрямую прорваться в кабинет директора. Уже знает, что это может быть чревато неприятными последствиями.

Я еще раз строго на него взглянула и сказала:

– Владимир Семенович будет с минуты на минуту. Просил вас его дожидаться.

Игорь Николаевич растерянно потоптался, сел на краешек стула, но тут же вскочил и принялся мерить шагами приемную, время от времени поглядывая на меня с опаской.

Позавчера, в мой первый рабочий день в качестве секретаря директора продовольственного рынка, в кабинет к шефу стремился прорваться каждый, полностью игнорируя секретаря, то есть меня. И сотрудники, и посетители делали это по привычке, воспринимая меня, очевидно, как деталь интерьера, которая, правда, наверняка умеет заваривать чай, недурно, учитывая привычки директора, готовит кофе и даже в состоянии, если очень надо, сделать бутерброды. Ира, настоящий и постоянно действующий секретарь директора рынка, – я-то являлась здесь работником временным, нанятым только на время ее отпуска, – предупреждала меня, что народ тут нахальный, иногда просто донельзя бесцеремонный, и лично она, Ирина, давно поняла, что ей с этими наглыми личностями никогда не справиться. Поэтому она просто махнула рукой на ту сторону своих обязанностей, которая касалась посетителей. Шеф много раз пытался намеками и прямо побудить секретаршу пересмотреть эту позицию, и она каждый раз обещала быть построже с приходящими на прием, не пропускать кого попало, особенно если у шефа в этот момент шло производственное совещание или происходило другое важное мероприятие, для посторонних ушей и глаз не предназначенное, но выполнить данное обещание ей так и не удалось. Ну не желали Ирочку, с ее тонким голосом и удивленно-испуганным выражением лица, воспринимать всерьез – и все тут!

В остальном же Ирочка была первоклассным секретарем. Испытывая жуткие муки совести из-за того, что была не в состоянии справиться даже с самым захудалым посетителем, девушка самоотверженно шлифовала свои навыки в подготовке рабочей документации, горячительных и прохладительных напитков, а может, и в чем-то ином, но это меня совсем не касалось. Так или иначе, шеф держал девушку на должности секретаря уже четвертый год, исправно платил зарплату, иногда даже выдавал премию, впрочем, как и другим сотрудникам администрации рынка.

Разговаривая с Ирочкой, я пришла к выводу, что шеф вовсе не привык разбираться с валяющими валом посетителями самостоятельно, как это предполагала девушка, а делал это только по причине сложившихся обстоятельств. Сам же он втайне продолжал лелеять мечту, что однажды, хотя бы на какое-то время, между ним и нескончаемым потоком просителей,

жалобщиков и прочих не очень приятных личностей возникнет некий буфер, сито, препятствие, в результате чего он будет иметь хотя бы пятнадцать спокойных минут в день.

Мои предположения подтвердились во время короткого личного собеседования с директором.

– Вас зовут Ольга? – поинтересовался он, стараясь не обращать внимания на нетерпеливо толкущихся в дверях кабинета людей.

– Ольга, – согласилась я.

– Ира сказала: вы имеете неплохой опыт работы секретарем?

– Имею.

Директор глянул на меня с возрастающим любопытством и симпатией.

– А вы не очень разговорчивы, а?

– Не люблю болтать попусту.

После секундного раздумья он кивнул на сдержанно шумящую ораву в дверях и с улыбкой поинтересовался:

– Сможете организовать так, чтобы меня беспокоили только по делу? Разрешаю все, даже рукоприкладство.

Я порадовалась, что человек, на которого мне предстояло работать в ближайшее время, был не лишен остроумия, поправила очки и совершенно серьезно сказала:

– Это моя работа.

На миг в его глазах мелькнуло сомнение, к первой или ко второй его фразе следует отнести мои слова. Потом он, очевидно, решил, что не стоит забивать голову такими пустяками, когда дел и так накопилась тьма-тьмушая. Неуверенно, опасаясь, наверное, что в последний момент я могу передумать и отказаться, спросил:

– Завтра желательно приступить к работе. Вы не возражаете?

– Нет, – успокоила я его, поднимаясь, – не возражаю. До свидания.

На этом наш разговор закончился. Занял он не более трех минут.

Внедрение жестких порядков я начала незамедлительно: подойдя к двери, не стала вежливо, но решительно проталкиваться сквозь примолкнувшую при моем приближении толпу жаждающих аудиенции, а остановилась в полуметре, так, чтобы видно и слышно было всем собравшимся, и железобетонным голосом сказала:

– Я бы хотела выйти. Будьте любезны.

Толпа умолкла окончательно, нехотя расступилась. Я презрительно смирив взглядом освободившийся узкий проход и слегка повысила голос:

– Будьте любезны меня пропустить.

Это подействовало. Передние потеснили задних, задние попятились, я свободно прошла по освободившемуся коридору, подошла к столу секретаря, кивнула на вновь ожившую толпу в дверях директорского кабинета и спросила Ирину:

– Это что же, каждый день так?

Девушка испуганно захлопала глазами и затравленно пробормотала:

– Обычно меньше. Но сегодня что-то случилось, но что именно, я не знаю – не спрашивала, а сами они мне не говорят. Особенно противный вон тот толстый, – пожаловалась она, переходя на шепот, – в сером костюме.

Человек, на которого она указала, производил впечатление скорее не толстого, а большого. Даже очень большого. Выделить его среди остальных не составляло труда благодаря его росту, комплекции и наглому, самодовольному виду. Вообще-то он с кем – то разговаривал, стоя к нам спиной, но что любопытно – наглым и самодовольным выглядел даже его затылок.

– Кто такой? – спросила я, сосредоточенно разглядывая мощную шею и квадратные плечи. Повернулся бы, что ли. Противников, даже потенциальных, следует знать в лицо.

– Валерий Борисович. По снабжению он. – Иринкин голосок задрожал от негодования.

Мне стало ее жаль. Разве можно с таким характером работать секретарем, да еще в подобном месте? Но тут же я подумала, что с таким характером вообще, наверное, сложно найти работу, потому бедняжка за эту так и держится.

– Валера! Глухов! Зайди! – крикнул кто-то из дверей кабинета, с трудом перекрывая шум.

Упитанный снабженец хлопнул собеседника по плечу так, что того заметно перекосило, заржал и вразвалку направился к кабинету директора. Мужики, все как один, почтительно уступали ему дорогу. Поравнявшись с нами, он на мгновение остановился, окинул меня с ног до головы похотливым взглядом, прищмокнул толстыми губами и что-то негромко сказал. Стоящий рядом лысый мужичонка обернулся и гаденько рассмеялся.

Я тут же занесла Глухова в черный список на первое вакантное место. Лично мне на этого борова плевать. Но он пользуется несомненным авторитетом среди сотрудников. Подружиться мы сможем едва ли, следовательно, я должна каким-то образом воспользоваться этим авторитетом. Или разрушить его.

Думая каждая о своем, Ира и я не отрывали от Глухова взглядов, пока тот не скрылся за дверью, а затем приступили к делам. Несколько минут Иринка посвящала меня в рабочий распорядок и привычки шефа, показывала, что и где лежит в ее немудреном хозяйстве. После этого я помогла ей приготовить кофе, пожелала хорошо провести отпуск и попрощалась.

На следующий день желающих войти в кабинет директора так же запросто, как они делали это обычно, ждало жестокое разочарование в виде временной секретарши. Мое появление вызвало настоящий переполох среди сотрудников администрации, деловых партнеров, друзей директора и прочих приближенных, равно как и тех, кто к числу приближенных не относился, но брал нахальством.

Сначала о новенькой секретарше говорили, что она симпатичная, с соблазнительной фигурой, но скверным характером. Вскоре привлекательность моих внешних данных отошла на второй план, а скверность характера дополнилась стервозностью, заносчивостью, самоуверенностью, ядовитым языком и еще многим в том же духе. К концу дня уже ни у кого не вызывало сомнений, что это исчадие ада сжило со света тихую мышку Иринку и, по всей видимости, подсыпало что-то в чай директору, так как при всей своей чудовищности пользовалось его несомненной благосклонностью. Только ближе к вечеру я рискнула надеть очки, потому что они придавали мне изрядную долю солидности. До сих пор я их то надевала, то снимала, так как всерьез опасалась, что с кем-нибудь из посетителей придется схватиться врукопашную в буквальном смысле слова.

Весь день я прогуливалась взад и вперед по просторной приемной и безжалостно отлавливала каждого входящего. Пройти дальше он мог только после того, как добросовестно выкладывал, как его зовут, какую должность и где занимает, а также какова цель его визита к директору продовольственного рынка. Далее я оставляла слегка обалдевшего после допроса посетителя в одиночестве и отправлялась «на доклад» к директору, после чего возвращалась, чтобы сообщить о его решении.

Пару раз особо пронырливые успевали опомниться быстрее, чем я возвращалась, и устремлялись в кабинет, не дожидаясь, пока я оттуда выйду и их приглашу. Или не приглашу – это уж как получится. Но я была настороже – успевала опередить и этих умников.

Новый порядок приема посетителей быстро укрепился, чему немало способствовало то обстоятельство, что и я, и директор, каждый по-своему, получали от самой процедуры установления порядка колоссальное удовольствие. Уже к полудню определенное удовольствие начали получать и остальные – весть об очередном «обработанном» посетителе распространялась по административному зданию и дальше с быстротой молнии, а так как наиболее изощренно «обрабатывались» самые наглые и твердолобые, остальные, не столь нахальные и поэтому раньше оказывавшиеся в последних рядах, быстро оценили преимущества нового порядка и следовали ему в основном добровольно.

Решающими в установлении и упрочении новых требований явились три последовавших одно за другим события. Первым быстро разнесся слух о том, что я требую выкладывать полную информацию о себе и о цели визита даже тогда, когда директора в кабинете нет. При этом сначала устраиваю допрос, а уже потом сообщаю, что шеф отсутствует. Эта весть вызвала негодование у некоторых особо самоуверенных господ.

Второе событие состояло в том, что когда один из таких недовольных моим самоуправством посетителей попытался пробиться в кабинет силой, попросту оттеснив меня в сторону, я его вежливо предупредила, что во время обучения в школе посещала секцию карате и с радостью ему это продемонстрирую, а присутствующие будут свидетелями, что действовала я исключительно в целях самозащиты, ведь все видели, как он меня толкнул. Присутствующие – а таковых набралось несколько человек, причем большая часть из них торчала в приемной из любопытства, – предпочли благоразумно промолчать, но не отрывали от нас жадных взглядов. Посетитель – потом я узнала, что он был не только на рынке, но и в городе важной шишкой, – побагровел, но после секундного замешательства ретировался и больше ни в этот, ни на следующий день не появлялся, а присылал своего помощника.

Замешательство его было вызвано еще и тем, что незаметно для окружающих я не замедлила подтвердить свою угрозу действием: аккуратно, но очень чувствительно погрузив пальчик в болевую точку на его руке. Боль при этом он должен был испытать адскую, но со стороны казалось, что я лишь нежно поддерживаю его под локоток, поэтому факт физического насилия остался нашей маленькой тайной.

Третье событие поставило окончательную точку в утверждении нового порядка. Часа в четыре, когда я уже и в самом деле начала потихоньку звереть, а ноги гудели, как после затянувшегося марш-броска – присесть мне за весь день удалось лишь минут на пятнадцать во время обеденного перерыва, – в приемную ввалился Валерий Борисович Глухов собственной персоной.

С первого места в моем черном списке Глухов уже успел переместиться на третье, но менее серьезным противником от этого не стал. О том, чтобы поставить его на место одним из тех многочисленных способов, которыми я до сих пор успешно умирала его коллег, не могло быть и речи, поэтому кое-какие меры предосторожности в преддверии нашей встречи пришлось принять заблаговременно.

Естественно, войдя в приемную, Глухов, как и его многочисленные предшественники, немедленно наткнулся на меня. Его толстые губы растянулись в противной улыбочке, а маленькие глазки прищурились.

– Здравствуй, крошка, – сказал он, подходя вплотную и разглядывая меня откровенно похотливым взглядом. – К шефу меня провожать не надо, дорогу я и сам знаю.

– У меня есть для вас кое-что интересное.

Я отступила на шаг, Глухов довольно хмыкнул, приблизился, обхватил меня одной рукой за талию, а другой начал лапать мой зад.

– Кажется, я уже нашел то, о чем ты говоришь, – засмеялся он. – Ты вот что, детка, подожди меня тут. Как только я освобожусь, мы сразу же поедем...

– На Некрасовскую? – перебила я, мило улыбнувшись. – Кстати, ваш тесть очень милый человек.

Теперь пришла моя очередь довольно улыбаться, Глухов же озадаченно замолчал. Еще накануне я уточнила кое-какие любопытные факты его биографии. В том числе то, что на улице Некрасовской проживал старый приятель Глухова. Приятель этот давно сидел в печенках у налоговиков, руповцев и не только у них, но любопытен был, собственно, не он сам, а «мальчишники», которые с завидной регулярностью устраивались в его квартире. На этих «мальчишниках», хотя мероприятия и имели такое милое название, неизменно присутствовали девицы, иногда только одна или две на всю компанию. Сама по себе эта информация

также не привлекла бы моего внимания, если бы не трепетное отношение тестя Глухова к своей единственной дочери. Тесть, надо сказать, занимал ответственный пост в правительстве области, поддерживал зятя как мог, а взамен требовал только одного – Глухов мог заниматься чем угодно, но обязан был хранить верность глупой, страшенькой, но не в меру чувствительной и ревнивой жене.

До Глухова сразу дошла угроза, скрытая в моих словах. Он отдернул руки, засунул их в карманы брюк и хмуро уставился на меня.

– А вы к Владимиру Семеновичу направлялись? – спросила я задушевым голосом. – Так он сейчас занят. Просил, чтобы никто его не беспокоил. А вас он примет в шестнадцать тридцать. Я как раз собиралась звонить, чтобы предупредить об этом.

Глухов выдвинул вперед нижнюю челюсть, поспел и покорно направился к выходу.

Все это было два дня назад. За прошедшие сорок восемь часов многое успело измениться. Тот же Глухов, к примеру, интересовал меня уже постольку-поскольку. И сегодня мало кому приходило в голову игнорировать секретаря, заходя в приемную.

Владимир Семенович Ямской, директор продовольственного рынка, на новую секретаршу нарадоваться не мог, хотя один раз и намекнул, что ино-гда я слишком уж перегибаю палку. Посетители разве что строем не ходили, по телефону я напрочь отказывалась разговаривать, если звонивший не желал представляться по всей форме, исключений при этом ни для кого не делала. Я поспешила успокоить Ямского, что такая строгость – мера временная, необходимая только на первоначальный период.

У меня у самой не было никакого желания часами кружить по приемной, подкарауливая каждого, кто желал попасть на аудиенцию к директору. В ближайшем будущем я планировала как-то усовершенствовать данную процедуру, ведь время от времени мне необходимо было отлучаться, хотя бы для того, чтобы посетить дамскую комнату.

Я помнила всех, с кем сталкивалась здесь за последние два, нет – уже почти три дня, о каждом составила какое-то мнение, многие голоса узнавала по телефону. Но все же каждого предпочитала пока самолично встречать и провожать.

Что поделаешь, работа есть работа. И дело, конечно, не в обязанностях секретаря. Эту должность я заняла не просто временно, а временно дважды – на время отпуска Ирины и на время моего очередного задания. Так что, допрашивая очередную жертву, я очень надеялась, что задание выполню раньше, чем вернется Иринка. Если ей будет куда возвращаться. Вернее – к кому возвращаться. Хотя свято место, как известно, пусто не бывает. В случае, если с Владимиром Семеновичем неожиданно, учитывая его цветущий возраст и крепкое здоровье, произойдет какой-нибудь неоригинальный, но всегда неприятный казус типа сердечной недостаточности или кирпича, свалившегося на голову, прибыльная должность директора продовольственного рынка долго вакантна не останется.

А угроза того, что жизнь молодого директора могла оборваться в любой момент, была вполне реальна. Собственно, судьба самого Ямского интересовала меня мало, в телохранители к нему я не нанималась. Но мой временный начальник мог сыграть роль основной приманки в расследовании, ради которого я и прибыла в этот город.

Пока оставалось неясным, только ли его жизнь находится в опасности или чья-то еще, однако было известно наверняка, что Ямской является одной из ключевых, если не основной фигурой в стремительно разворачивавшихся в городе Муроме событиях.

Именно эта стремительность подгоняла меня, не давала покоя и заставляла собирать и сортировать самые невероятные слухи, бродившие по городу. Вечерами Ямской предпочитал сидеть дома. Я же добросовестно провожала его до дверей квартиры, держась, разумеется, в некотором отдалении, а затем отправлялась «на охоту». До глубокой ночи я инспектировала значные места города, знакомилась с нужными, потенциально нужными и совсем бесполезными людьми, слушала, пила, ела, играла в азартные игры, знакомилась со знакомыми своих

новых знакомых, домой приходила только под утро, по самые уши загруженная информацией, которую еще предстояло проанализировать и рассортировать. А утром спешила на работу, где строго следила за тем, чтобы ни один посетитель не смог подобраться к Ямскому незамеченным.

В первый же день я позаботилась о том, чтобы иметь возможность прослушивать кабинет Ямского и оба телефона директора, кстати, один из аппаратов до этого не был запараллелен с секретарским, и любой, кому был известен его номер, мог соединиться с директором напрямую, минуя мой официальный контроль. А это меня, естественно, совершенно не устраивало.

К сожалению, приемная редко пустовала, мне то и дело приходилось отвлекаться на кофе, звонки, посетителей, поэтому слушать конфиденциальные разговоры директора удавалось лишь урывками. Положение осложнялось тем, что у директора имелся также мобильный телефон. Прослушивать его, конечно, можно, но сделать это не так-то просто, требуется особая аппаратура, которую с собой таскать неудобно. Хорошо еще, что мобильником директор пользовался в основном за пределами офиса.

Но самое неприятное заключалось в том, что Ямскому не сиделось на месте, он то и дело срывался и куда-нибудь уезжал. Вот в этом и заключался основной недостаток моей работы в качестве секретаря – я не могла сопровождать Ямского постоянно, незаметно следовать за ним хотя бы на расстоянии. Каждый раз, когда он проходил через приемную со словами «буду через полчаса», в моей голове поневоле начинали бродить мысли о том, стоило ли концентрировать все усилия на одном объекте. Ведь если он больше не вернется, мне придется начинать все сначала, а печальный список безвременно почивших бизнесменов города Муромы пополнится еще одним именем.

Успокаивало в такой ситуации только то, что «вирус невезения» пока поражал всех заразившихся им по-разному, каждая его жертва покидала этот мир своим собственным способом. Если подобная закономерность будет иметь место и впредь, то такие несчастья, как, например, автомобильная катастрофа или некачественная пища, можно исключить – это уже было.

Я взглянула на метавшегося по приемной Игоря Николаевича. Бедняга совсем пал духом, того и гляди пустит слезу от отчаяния. После трех минут ожидания он выглядел так, словно провел в этой самой приемной годы, возможно, десятилетия, и надежда когда-либо увидеть приятеля покинула его окончательно. Должно быть, и правда что-то стряслось.

– Давайте я вам чайку налью, – сменила я гнев на милость.

Игорь Николаевич от моих слов подпрыгнул, как будто над его ухом только что неожиданно грянул гром, поморгал, переваривая мои слова, и только после этого пробормотал:

– Не откажусь.

Я налила ему крепкого чаю, пододвинула поближе сахар и крекеры. Ни на то, ни на другое он даже не взглянул, вцепился обеими руками в чашку, как в спасательный круг.

Мое любопытство разгорелось еще больше.

– Морозец на улице?

– Что? – вздрогнул он. – Вы что-то сказали?

– Замерзли? – переспросила я.

– А-а. Да, наверное... – Игорь Николаевич нахохлился и снова погрузился в раздумья. Чай он даже не попробовал.

Игорь Николаевич Шапочников стоял в моем черном списке на втором месте. Первое устойчиво занимал сам директор и его приятель.

К Владимиру Семеновичу Шапочников приезжал ежедневно, то есть видела я его уже в третий раз. Все три раза он появлялся неожиданно для меня, но Ямской всегда знал о его визите. Из этого я делала вывод, что приятели договаривались о встрече заранее и, скорее всего, не по телефону.

Насколько мне было известно, общих дел они практически не вели – Шапочников кормился доходами от реализации мягкой мебели. Дружескими чувствами ежедневные визиты Шапочникова тоже объяснить было сложно. Позавчера он так запаниковал, когда я начала задавать ему обычные вопросы: «Кто?» да «По какому вопросу?» – что мне подумалось, не страдает ли этот человек манией преследования или иным подобным недугом. Ямской до того момента не вмешивался в мои «разборки» с посетителями, а с явным удовольствием слушал наши препирательства из кабинета. Но когда узнал голос Шапочникова, вышел в приемную сам, чем немало меня удивил.

Дальнейшее меня заинтересовало еще больше, а также насторожило и слегка разозлило.

Шапочников при виде Ямского радости не выразил, даже не улыбнулся, только облегченно сказал:

– Пойдем прогуляемся.

– Холодно, – скривился Ямской.

– Лучше уж мерзнуть, чем... – вырвалась у Шапочникова непонятная фраза. – В конце концов, мы можем куда-нибудь заглянуть.

– Ладно, – нехотя согласился Ямской, сообщил мне, что вернется минут через тридцать-сорок, и вышел. Шапочников заторопился следом за ним.

– До свидания, – сказала я ему вслед. Я была очень сердита, и фраза прозвучала не слишком доброжелательно.

Шапочников испуганно оглянулся, посмотрел на меня, как на Горгону, пробормотал в ответ что-то неразборчивое и выскочил в коридор, при этом чуть не сбив с ног Нину Васильевну, нашего бухгалтера.

Нина Васильевна отшатнулась и едва не уронила кипу документов, которую держала в руках.

– Странный человек. Это надо срочно подписать, Оленька. Я оставляю?

– Конечно. – Я взяла документы. С удовольствием просмотрю их на досуге, пока Ямской где-то бродит. – Я тоже заметила, что он со странностями. А он всегда такой или это временный заскок?

– Не знаю, я его второй раз вижу. Позавчера он врезался в Карасика, – Нина Васильевна хихикнула.

С Карасевым, или Карасиком, я уже имела счастье познакомиться. Юноша ростом под два метра и весом в сто двадцать килограммов разделял туши в мясных рядах. Врезаться в него означало заработать легкое сотрясение мозга, сопровождаемое тяжелой головной болью. Я представила, как щуплый, не в меру суевающийся Игорь Николаевич пытается пробить головой могучую грудь Карасика, и тоже рассмеялась.

– А кто он такой?

– Этот? – мотнула головой в сторону двери Нина Васильевна. – Не наш, это точно. Кажется, старый приятель Владимира Семеновича.

Я только вздохнула. Это я и сама знала. А известно о тесном знакомстве Ямского и Шапочникова мне стало еще до того, как я увидела их обоих.

Этот разговор состоялся в мой первый рабочий день на посту секретаря администрации продовольственного рынка города Муром. А за сутки до того, как я впервые вошла в офис данной администрации, генерал Гром, мой непосредственный начальник, посвятил меня в подробности предстоящего задания.

Гром – это рабочий псевдоним генерала, а вообще-то его зовут Андреем Леонидовичем Суровым.

Мое рабочее имя – Багира. «Ничего себе имечко», – именно так, помнится, я подумала, когда услышала его в первый раз. Но все когда-нибудь случается впервые и сначала кажется

необычным, а через некоторое время привыкаешь. Вот и имя Багира я давно уже воспринимаю как неотъемлемую часть себя.

Впрочем, имя, данное мне мамой и папой, конечно же, другое. Зовут меня не Ольгой, а Юлией. Юлией Сергеевной Максимовой, если уж представляться полностью. Ольга – тоже рабочее имя, только временное, данное мне на период выполнения задания, подкрепленное настоящими документами, «легендой» о прошлом. Имя залегендированное, если выражаться языком специалистов. Что поделаешь, такова наша «шпиенская» доля. Мы все время должны в кого-нибудь перевоплощаться, чтобы отслеживать, изобличать, раскрывать тайные заговоры, желательно в тот момент, когда они находятся еще в зачаточном состоянии, выяснять, кто есть кто, если кто-то представляется совсем не тем, кем он является на самом деле. И так далее, и тому подобное. В общем, скучать не приходится.

На этот раз мне предстояло выяснить причину необъяснимого мора среди бизнесменов города Муром.

Глава 3

После того как Гром вкратце описал сложившуюся в Муроме ситуацию, у меня сразу же возник естественный вопрос: при чем здесь мы? Почему Грома настолько заинтересовал этот муромский «смертельный вирус», что он решил послать меня туда?

Картина, конечно, складывалась любопытная: большая часть скоропостижно скончавшихся так или иначе была хорошо знакома между собой, а троих некогда связывала тесная дружба. Но ничего особенно странного в этом не было, учитывая сравнительно небольшие размеры города.

Согласна, дело пахло криминалом. Морги в Муроме, как, впрочем, и везде, пополняются ежедневно и бесперебойно. Но некоторые случаи смерти вызвали подозрение в отношении своей естественности. Минус убийства, случайные или преднамеренные. Минус те покойники, которые не подходили по возрастным критериям. Таким образом, после тщательного анализа было отобрано восемь случаев. Восемь довольно молодых людей отошли в мир иной в течение последних двух недель, причем обо всех восьмерых по городу ходили упорные слухи, что к праотцам они отправились не по воле слепого случая, а по более приземленным причинам. Лично я, проболтавшись в Муроме трое суток, переговорив с огромным количеством людей и пересмотрев все местные программы, которые смогла посмотреть, этот список несколько бы расширила. Впрочем, аналитикам виднее. Во всяком случае, должно быть виднее, хотя собственные выводы по поводу количества жертв совсем сбрасывать со счетов я тоже не торопилась.

Жена одной из жертв «вируса», того самого, машина которого внезапно забунтовала на скользкой трассе, даже подала в соответствующие органы заявление с требованием разобраться в истинных причинах аварии, найти и наказать подлеца, который эту аварию устроил. Очевидно, наслушалась местного пророка и неутомимого борца за справедливость, ведущего авторской аналитической программы «Что говорят?» Андрея Москвичова. Хотя у меня после просмотра первой же его передачи сложилось впечатление, что ведущий под видом борьбы за справедливость занят тем, что собирает городские сплетни, а затем обсуждает их в прямом эфире. Это, собственно, изначально и заявлено в названии его программы.

Но и пророчества у него хорошо получаются. Правда, окрашенные все больше в черный, в лучшем случае – серый цвет. Справедливости ради скажу, что жители Мурома программу Москвичова любят. Возможно, за то, что ведущий в прямом эфире озвучивает мысли самих горожан, причем те, которые сами они не всегда решаются высказать вслух. Но все-таки удивительно, каким чудом этот «пророк» сумел разглядеть «дело предпринимателей», как он назвал недавно возникшую в городе проблему повышенной смертности среди бизнесменов, да еще и глубоко ее копнуть, причем почти одновременно с нашими аналитиками.

Надо признать, поработал он ничуть не хуже. Возможно, его стиль работы и содержание передач – всего лишь профессиональная уловка, сознательно выбранный имидж, позволяющий успешно конкурировать с коллегами. Впрочем, скоро у меня будет возможность пообщаться с местной телезнаменитостью лично. Сам Москвичов об этом, правда, еще не знает, мы пока даже незнакомы. Но я это знакомство планирую – поговорить с ним и вытянуть всю имеющуюся у него информацию нужно непременно.

От вдовы, настырно ищущей виновного, в милиции отбивались, как могли, – кому нужен «висяк»? Но вдова оказалась упорнее сотрудников, и заявление пришлось-таки принять, а затем еще раз, более тщательно, осмотреть машину, перечитать отчеты, опросить людей, чьи фамилии фигурировали в деле. Тормоза автомобиля бизнесмена действительно оказались неисправными. К тому же выяснилось, что машину к дому предпринимателя самолично подо-

гнал не кто-нибудь, а автослесарь, только что сделавший профилактический ремонт. А утром следующего дня хозяин машины сел за руль и... отправился в свой последний путь.

Странно, что на эти любопытные совпадения не обратили внимания раньше.

Следователь, отправляясь в автомастерскую, уже потирал руки, предвкушая скорое завершение дела. Но не тут-то было. Человек, ремонтировавший машину погибшего, хозяин маленькой авторемонтной мастерской, накануне вечером случайно, – разумеется, случайно, кому бы пришло в голову делать это специально, – схватился за оголенный провод, который почему-то оказался под напряжением. Так его и нашел на следующий день ранний клиент – лежащего на каменном полу автомастерской с проводом в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.